

Купарашвили Мзия Джемаловна, Ветрова-Деглан Мери Сергеевна

ГЕНДЕР И ТРАНСГЕНДЕР В ПРОБЛЕМЕ ПОЛА

В статье предложено разграничить проблемы гендера и трансгендера, которые, как правило, предлагаются исследователями в одной связке. Это имеет принципиальное значение для выражения сущностных качеств собственно гендерной проблематики. Авторы статьи предлагают вскрыть истинное содержание гендерного проблемного поля, которое ничего общего не имеет с квисексуальными проблемами. Проблемный корпус собственно гендерной тематики включает следующие вопросы: утрата пола, феминизация/ маскулинизация общества, гендерная поляризация, двойной стандарт в оценке труда, сексуальное домогательство, аборты, материнство.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/10-2/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(84) : в 2-х ч. Ч. 2. С. 77-81. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

CHURCH MISSIONARY SOCIETY OF THE UNITED KINGDOM AND ITS ROLE IN THE MISSIONARY MOVEMENT OF THE XIX CENTURY

Kudryashova Yuliya Aleksandrovna, Ph. D. in History
Astrakhan State University
Ylyub@mail.ru

The article attempts to consider the history of creation, structure, main activities of the largest missionary organization of the Great Britain of the XIX century – the Church Missionary Society, to analyze its social composition and sources of funding. The author comes to the conclusion that missionary activity in the XIX century acquired special significance, since it allowed not only creating groups loyal to the colonizers among the local population, but also forming an effective dialogue between cultures.

Key words and phrases: Great Britain; Christianity; missionary activity; missionary societies; Church missionary society; colonialism; dialogue of cultures.

УДК 141

Философские науки

В статье предложено разграничить проблемы гендера и трансгендера, которые, как правило, предлагают исследователями в одной связке. Это имеет принципиальное значение для выражения сущностных качеств собственно гендерной проблематики. Авторы статьи предлагают вскрыть истинное содержание гендерного проблемного поля, которое ничего общего не имеет с квисексуальными проблемами. Проблемный корпус собственно гендерной тематики включает следующие вопросы: утрата пола, феминизация/маскулинизация общества, гендерная поляризация, двойной стандарт в оценке труда, сексуальное домогательство, аборт, материнство.

Ключевые слова и фразы: гендер; трансгендер; квисексуальность; дискриминация; андроцентризм; труд; пол.

Купарашвили Мзия Джемаловна, д. филос. н., профессор
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского
kuparashvili@rambler.ru

Ветрова-Деглан Мери Сергеевна
Омский государственный университет путей сообщения
mooon76@inbox.ru

ГЕНДЕР И ТРАНСГЕНДЕР В ПРОБЛЕМЕ ПОЛА

В литературе, анализирующей гендерные вопросы, неважно – психологические, философские, культурологические, политические, экономические и т.д., весьма обычным является факт смешивания проблем равноправия полов (гендерных) и проблем, которые связаны с кооптацией в двуполое общество представителей третьего, четвертого и т.д. пола (трансгендерного). Почему отношения мужчин и женщин в обществе базируются на неравноправии? Почему они связаны с господством одного пола над другим, без которого и первый пол не может иметь шанс на выживание, на будущее? Эти вопросы вполне логичны и понятны. Однако вскоре обнаруживаются неясности, которые приводят к недоумению и утрате понимания предыдущих проблем. Указанные проблемы рядоположены с проблемами мужчин/женщин, рожденных в теле противоположного пола (см. работы Сандры Липсиц Бем, Майкла Киммела, Андреа Дворкин, Елен Сиксу, Седжвик ив Кософски и мн. др.). Со временем, в силу того, что их постоянно обобщают, они начинают восприниматься вполне естественно, но хаос в их понимании остается. Так или иначе, понятие «гендер» как социальный пол формально может быть распространено и на особые проявления объективного или вымышленного конструирования социальной роли. При более близком рассмотрении подобное обобщение оказывается не столь безобидным. Женщины как социальная группа – не только половина человечества, но и абсолютно необходимая часть для воспроизводства человека, общества и культуры. Ее объединение с другими социальными группами, не сопоставимыми с ней, означает либо преднамеренную девальвацию женской группы, либо элементарное непонимание предмета анализа. Сопоставимым является только социальная группа мужчин, с которой она образует известную бинарность, на базе которой строится и язык, и грамматика, и в специфика восприятия мира человеком.

Кроме того, одиозность трансгендера отталкивает общество от существенных проблем гендера, тогда как их включение в гендерные проблемы есть попытка облагораживать их. В целом налицо элементарная редукция необходимого с ненужным, существенного и судьбоносного со случайной прихотью и весьма подозрительной (с точки зрения социальной необходимости) толерантностью. Достаточно указать, что часть группы трансгендера – подкласс социальной группы женщин, другая часть трансгендерной группы,

соответственно, – часть социальной группы мужчин. Впрочем, необходимо указать и на то, что уравнивать классы и подклассы, выдавать отношения части и целого как отношения родовидовые вполне в духе нашего времени, времени постмодернизма.

Мы хотим обосновать то, что в вопросы, связанные с равноправием полов, не могут быть включены квир-сексуальные проблемы, связанные с трансгендером. Это некорректно. Они не могут быть рассмотрены в одной связке с вопросами, которые описывают дискриминированное положение женщин по признаку пола. Слишком долго проблемы пола и гендера были невидимыми и неразличимыми, а сегодня, когда они стали артикулированными, налицо устойчивые попытки размыть, размазать, растворить их в группе иных, часто надуманных проблем, с целью нивелировать, заглушая их остроту. Прежде всего, осуществляется посягательство на закономерность двух гендеров. Рассуждения в русле «оттого, что биологического пола всего два, не означает, что и гендера тоже два» не находят достаточного обоснования. Наоборот, то, что формально-логическая структура допускает варианты и свобода социального конструирования позволяет экспериментировать, не означает, что вымышленное можно включить в действительное. Гендеров не может быть много, так как их наличие зависит от разнообразия, от количества биологических полов. Чтобы надстраивать над биологией ее социальный аналог, она (биология как некая естественная и объективная основа) должна быть. Безусловно, произвольно, вымышленно их можно конструировать сколько угодно, но с их легитимацией и возведением в правило и норму возникают проблемы.

Вопрос дискриминации по признаку пола, когда речь идет о женщинах и мужчинах (как по полу, так и по гендеру), – это вопрос не только фундаментальной несправедливости, но, что главнее здесь, она (дискриминация) нарушает космическую, вселенскую сущность человека, закрывает возможность создания истинно человеческой культуры и цивилизации (не маскулинной, не феминной, а человеческой!). Вряд ли в этом качестве к нему можно причислить проблемы трансгендера. При этом мы не утверждаем, что вопросы, связанные с квирсексуальностью, менее важны. Мы утверждаем, что они за пределами феминистических проблем и наших исследовательских интересов.

Общеизвестно, что пол – характеристика тела, гендер – психики. Психика формируется социумом, пол – нет, это прерогатива биологии. Призывая создавать «конкурентоспособные индивидуальности в обществе, которое упорно отказывает им к какой бы ни было легитимности» [1, с. 231], С. Бем не видит другую сторону проблемы: общество не против индивидов, у которых действительно гендер предопределяется биологией (они так родились и, соответственно, имеют абсолютно равные права и обязанности со всеми, это не обсуждается, по крайней мере, это не должно обсуждаться). Однако общество видит предел допустимой гуманности и толерантности. Общество против культурного гомосексуализма, когда индивид не родился гомосексуалистом, культурная среда формирует его таким, без биологических предпосылок. В этом случае их количество с 3-5% в каждом поколении может возрасти до 15%. Отсюда налицо передергивание фактов, политизация и идеологизация вопроса.

Наверное, не надо паталогизировать состояние нарушения гормонального фона (пусть об этом судят специалисты), но мы абсолютно уверены, что не надо создавать разные организации и проводить непристойные демонстрации, которые унижают человеческое достоинство принимающих в них участие людей. Кто хоть раз видел эти демонстрации и размалёванные тела участников, согласится оставить вопрос без комментариев. «Гомогенность в границах каждого пола естественна, а разнообразие неестественно», – сокрушается Бем, – «все “согласования” между полом тела и гендером психики являются естественными, а любое “рассогласование” – неестественным» [Там же, с. 231-232]. Ответ: потому что речь идет о целостности личностной структуры, об идентичности культуры. Конечно, конкретный индивид может найти форму собственной целостности, исходя из своей ситуации и конституции, но не надо стараться насильно это делать нормой для всех! «Все сработало так как надо, и они существуют, в том варианте или в ином, потому что гендерное разнообразие – естественное явление» [Там же, с. 233]. Да, безусловно, естественное, но – исключение, не норма, а отклонение от нее, и это не является основанием дискриминации, пока речь идет о конкретном индивиде. Она становится порицаемой, опасной только тогда, когда такая естественность получает незаконное расширение, навязывая свое исключительное естество обществу и культуре.

Кроме того, не лишне вспомнить уроки истории о том, что каждая культура, умирая, переживает настоящий разгул гомосексуализма в частности и утрату этической системы ценностей в целом. Если взаимодействие истории и культуры (начиная от Содома и Гоморры) исторически демонстрирует кончину эпохи как результат подобной неразборчивости (рассогласованности), то этот аргумент может стать оракулом эпохи, победившей нравственность. Так, при постановке и анализе проблем, связанных с отвращением к гомосексуальности, С. Бем, осознанно или бессознательно, уклоняется от рассмотрения нравственной стороны указанных проблем. Тем не менее, рассмотренные сквозь линзы нравственности проблемы трансгендера обнаружили бы свою несостоятельность. Только с позиции нравственной системы ценностей становится очевидным не только незаконное объединение трансгендера с гендером, но и надуманность проблем, связанных с гомосексуализмом и лесбиянством.

Нас особенно «утешила» заключительная фраза Бем: «Но кое-что можно сделать, и уже делается для поддержки будущих поколений лесбиянок и геев: формулируется традиция утверждения ценности и достоинства их отличий от доминирующих групп» [Там же, с. 234]. А мы наивно думали, что в них нужно уважать достоинства человека. Но все равно мы рады за них. Однако по отношению к проблемам феминизма мы не можем быть столь оптимистичны, именно потому, что одиозный ореол, связанный с разгулом нетрадиционных отношений между полами, уводит исследователей и читающую публику от насущных проблем или создает такое зловонное болото, в котором тонут настоящие проблемы пола.

Авторы статьи предлагают вскрыть истинное содержание гендерного проблемного поля, чтобы убедить читателя, что оно ничего общего не имеет с квирсексуальными проблемами. Сама по себе тема дискриминации по признаку пола самодостаточна и весьма комплексно представлена в современной исследовательской литературе. Это проблемы утраты пола, гендерной поляризации, двойного стандарта в оценке труда, сексуального домогательства, аборт и материнства.

Сегодня с прямой дискриминацией по признаку пола можно столкнуться чрезвычайно редко, как и с прямым расизмом. А вот профессиональная сегрегация по признаку пола – это обычная практика. «Различие в оплате труда целиком является результатом гендера того, кто его выполняет» [2, с. 287].

- Современное общество не просто установило двойной стандарт при оценке традиционного гендерного образа, труда и развлечения, оно на базе своей либеральности может себе позволить одновременную поддержку взаимоисключающих норм и стереотипов. Если женщина соответствует традиционным характеристикам женственности (милая, добрая, безынициативная, тихая), то она не стремится к успеху, следовательно, в своей неудаче она виновата сама. Если она принципиальна, напориста, амбициозна, то она не совсем женственна, мужеподобна, выскочка, не имеет хороших манер. Поэтому она может быть успешной.

- Проблема сексуального домогательства. Мужчин в так называемых женских профессиях продвигают быстрее и легче (положительная дискриминация, «стеклянный эскалатор» (Кристина Уильямс)); женщин в мужских – наоборот. Помимо «стеклянного потолка» их ожидает сексуальное домогательство (это не только физическое, психологическое и сексуальное насилие, но и/или «услуга за услугу», «враждебная обстановка» в виде сальности, грубости, шуточки, продергивание, колкости), которое выражается вовсе не в сексе, а в стремлении «отпугивать женщин от исконно мужских заповедных зон на рынке труда» (психолог Иллинойского университета Луиза Фицджеральд). Вот что об этом пишет Киммел: «В домогательстве обвиняют не тех, кто просто неуклюже предложил коллеге свидание, и не тех, кто отличается любвеобильностью. На самом деле сексуальное домогательство – вещь, прямо противоположная влечению. Они нацелены на создание у работающей женщины ощущения, что ей тут не место, что она здесь чужая, потому что эта работа – мужское дело» [Там же, с. 305-306]. Необходимо напомнить, что в таком виде сексуальное домогательство имеет и практику расширенного применения, и жертвами здесь становятся не только мужчины, не соответствующие традиционному гендерному образу, но и те, кто просто не пришёлся ко двору. И при этом сексуальное домогательство во многих странах не считается нарушением прав личности.

- Проблема аборт. Их запрещают, их разрешают, их осуждают... без участия в дебатах женщин. Ожесточённые атаки на женское право на аборт не прекращаются и сегодня, на фоне феминизма, демократии, свободы и либерализма.

- Проблема утраты пола. Любопытное наблюдение М. Киммел: «Мужчины “теряют пол” в ситуации неудачи, на них перестают смотреть как на настоящих мужчин. Женщины, наоборот, “теряют пол” в случае успеха. Быть компетентным, агрессивным и честолюбивым на рабочем месте значит подтверждать определённый гендер, который соотносится с мужским гендером. А успешные женщины гендерно несообразны и тем самым разрушают свою женскую идентичность» [Там же, с. 280].

- Важнейшей нужно считать проблему ангажированной видимости социального сдвига в сторону феминизации общества. Пока все об этом твердят и пересказывают друг друга, происходит прямо противоположное. И это вполне логично и закономерно. Ведь нет женских культур или цивилизаций, следовательно, это женщины вливаются в существующие мужские культуры.

- Маскулинизируется секс – в моде иметь множество сексуальных партнеров, чистое удовольствие без всяких обязательств, ответственности и последствия. Традиционно секс для женщин – безнравственно (потаскуха), он нарушает стереотип женственности (над этим работают родители, школа, государство, церковь); для мужчин – наоборот, это предмет доблести – самец, мачо (даже Пушкин не брезговал составлять списки использованных женщин). Однако фаллоцентризм мужчин приводит к фаллоцентрированности общества, что, в свою очередь, устанавливает неразборчивость в качестве нормы, мужское понимание секса («без отношений») стало приемлемым и для женщин. Вкупе с принципом равноправия сексуальное поведение женщин копирует мужское как более продвинутое, современное, презентабельное. Вот что об это пишет Лилиан Рубин: «За одно поколение, между 1940-ми – 1960-ми, мы прошли путь от матерей, которые считали свою девственность самым ценным сокровищем, к дочерям, для которых девственность стала бременем... Теперь она превратилась в проблему, которую надо решать» [Цит. по: Там же, с. 358]. Также различны мужские и женские представления о сексе «без» и «с» отношениями, в браке и без него, внутри и вне репродуктивных отношений: «...браки явно имеют влияние на сексуальную практику, способствует приучению секса, когда он переносится в дом – сферу, исторически предоставленную женщинам. Когда мужчина чувствует, что секс больше не связан с опасностью и риском (которые, собственно, возбуждают), его сексуальный репертуар может смягчиться и включить более широкий диапазон чувственных удовольствий», женщина в том же положении «чувствует себя спокойной и начинает искать более выраженных форм сексуальных удовольствий» [Там же, с. 372].

- Одежда – повседневная одежда преимущественно мужская. Киммел пишет: «...на мои лекции студенты приходят во фланелевых рубашках, кожаных и спортивных кроссовках, синих джинсах и футболках. Они используют обращение “ребята” (“guys”), даже если группа полностью состоит из девушек. Классная комната, как и работа, является общественным местом, и, когда женщины входят в общественную сферу, они зачастую одеваются и ведут себя “по-мужски”, чтобы к ним относились серьезно как к компетентным и способным людям» [Там же, с. 25].

• Поведенческие клише – мужская модель социальной активности и поведения более эффективна и эффективна, отсюда она более привлекательна в силу работоспособности и презентабельности модели поведения. Грубоватое, наглое, напористое, резкое поведение – трендовые формы подачи собственной уникальности. Мы приведем пример, который весьма показателен, так как преступление и насилие дают яркое различие в поведении двух полов. По мнению многих психологов, насилие – форма выражения мужской эмоциональности. «В новостях редко обращают внимание на то, что фактически все насилие в мире сегодня совершается мужчинами. Теперь представьте, если бы это совершали женщины. Разве об этом не раструбили бы в новостях, давая всевозможные объяснения? Разве не подвергли бы гендерному анализу каждое из подобных событий? Тот факт, что насилие совершают в мужчины, кажется настолько естественным, что не ставит никаких вопросов и не требует анализа» [Там же, с. 374]. Таким образом, стратегии, основанные на внимании, сопереживании, сотрудничестве и заботе как сугубо женские, не котируются в мужской цивилизации. Если женские организации – это организации с ключевой установкой на сотрудничество, которые их учат тому, что они могут делать все, что делают мужчины, то стратегии, основанные на соперничестве и конкуренции, – чисто мужская практика существования, и потому в мужских организациях их просвещают о том, что именно не могут делать женщины.

• Гендерная поляризация. С. Бем выступает против гендерной поляризации, так как она способствует и поощряет воспроизводство власти мужчин на уровне общества между маскулинным и феминным, что укрепляет позиции андроцентризма, это проявляется на трех уровнях: институциональном (порождает дихотомию: маскулинная сфера оплачиваемого труда, феминная сфера быта и воспитания детей), психологическом (помещает по разные стороны женскую и мужскую индивидуальность и личность), идеологическом (выстраивает культурный дискурс так, что даже самые вопиющие примеры неравенства рассматриваются как половые различия). «Иначе говоря, гендерная поляризация дает право религии, науке, законодательству, средствам массовой информации и т.д. логически обосновывать существующее положение в сфере пола таким образом, что это автоматически делает линзы андроцентризма незаметными» [1, с. 264-265].

При этом не стоит недооценивать и чисто циничное составляющее проблемы. Можно смело утверждать, что не только вся биологическая литература, но и социология и эволюционная психология по проблемам гендерного неравенства написана в жанре «только так» (Редьярд Киплинг), «это так, потому что так и должно быть» (М. Киммел). «В этом повествовательном жанре, на основе некоторых внешних данных объясняется, например, почему у слона есть хобот, но зато тигр весь в полосках» [2, с. 52]. Мы уже знаем, что все маскулинное больше, лучше, сильнее, развитее, умнее, а после проводим исследования по обоснованию этого. Вполне достойная логика для маскулинного представления последовательности. И нет здесь никакой тупости, просто не надо заморачиваться. Нет никаких научных подтверждений? Какая мелочь! Зато все вполне вписано в экономические, политические и культурные тренды эпохи. Только один пример из книги М. Киммел: «Результаты тестов оказались не лучшим индикатором. На рубеже веков было обнаружено, что у женщин результаты общих экзаменов в Университете Нью-Йорка выше, чем у мужчин, но ученые-то “знали”, что женщины не могут быть более интеллектуальны, чем мужчины. Следовало найти иное объяснение. “В конце концов, мужчины намного более интеллектуальны, чем женщины, будь то на экзаменах или вне экзаменов, – прокомментировал ситуацию декан колледжа Р. Тернер. – У женщин память лучше, и они занимаются упорней, вот и все. В задачах, где требуется терпение и усидчивость, женщины выигрывают. Но когда мужчина и терпелив, и работоспособен, то он в любое время победит женщину» (интересно, что желание, амбиции и работоспособность женщины используются против нее же, но при этом проблема мужской импульсивности, нетерпеливости и лени даже не обозначается)» [Там же, с. 55]. При такой логике и концептуальной стройности абсолютно справедлива мысль о том, что если бы половых различий не было, их следовало бы изобрести.

Насколько взвешенными при этом выглядят размышления В. В. Розанова о браке, о семье, детях, о геях и лесбиянках. Для Розанова пол, брак, зачатие – величины мистические и космические, так как проявление жизни проникнуто полем, и он тем сильнее и отчетливее, чем сложнее организм, он предопределяет мировую гармонию. Пол – извечная связь тела и духа. Акт зачатия является актом творения «по образу и подобию», отсюда, если нет чувства пола, то нет и чувства Бога, «рождающие глубины человека действительно имеют трансцендентную, мистическую, религиозную природу» [3, с. 37]. Брак для Розанова – спасение. Предтеча греха – стыд, «стыд и грех – идентичны; первый есть кожа второго». В поле состоит наследственность греха, стыд своего пола – надлом в человеке. В браке надлом, «совершившийся в секунду грехопадения», выправляется, одежда спадает, но стыд не появляется, главная причина человеческого падения исчезает, таким образом, супружество мыслится как «восстание человека из грехопадения!». Отпадение от греха через рождение ребенка означает и отпадение человека от смерти [Там же, с. 108-110].

Изыскания Розанова в области полового влечения привели его к бесспорному заключению о том, что сила полового влечения – не постоянная величина. «Вообще – это так: мы суть 1) самцы, 2) самки. Но около этого “так” лежит и не так: противоборство, противотечение... “я”, отрицающее всякого “не я”. И, словом, – жизнь, начало жизни; лицо, начало лица...» [4, с. 28]. Розанов использует ряд натуральных чисел от +8, +7 (наиболее самец, наиболее самка) до –7 для демонстрации сексуального напряжения от самого высокого до нулевого и до влечения к противоположному полу. Первоначальный самец, ранние Элины, Одиссей, викинги. Далее с повышением цивилизованности степень полового напряжения постоянно понижается, в умеренных степенях +3, +2, зарождается брак, и, наконец, появляется таинственный ±0, полное «не-воление» пола, «гладь существования не возмущена». Это Сократ, сказавший, что он легче перенесет обиду, чем нанесет ее; это христианское – Боже, прости им – не ведают что творят. «Здесь цветут науки и философия.

И, наконец, «±0» разлагается на «+0» и «-0»: первый отмирает – в нем нет ничего и не было? И остается «-0», который быстро переходит в «-1», «-2», «-3» и проч.» [Там же, с. 33-44]. Так, «±0» – третий пол, люди лунного света, святые, монахи, философы, ноль напряжения, линия абсолютного покоя, а то, что опускается ниже ноля, – 1, –2 – Розанов называет урнингом – мужским телом и женскими мозгами, и наоборот. В этом качестве третий пол явление отрицательное, антисоциальное. «Противо-родовые идеи не могут возникнуть без противо-родовых *инстинктов*; а таковые единственно встречаются, и притом бесспорно встречаются на той точке текущего пола, где он из влечения к гармонизации с противоположным анатомически полом (сопряжение, супружество) переходит во влечение к слиянию *со своим* полом» [Там же, с. 108]. Третья психика – не мужское, не женское. «Никогда не будет детей. Никогда не будет дома... глубочайше будет разрушен *тип социальной жизни* – разрушен не в бытовом, а в психологическом корне... Это есть то разрушение, на месте которого ничего не вырастает. Не менее разрушается *тип истории*. У него оставляется голова и отсекается туловище. *Будущее* не нужно тому, у кого нет потомства, – будущее полное, всеобщее. Судьба последнего человечества представится под углом зрения не интересов этого человечества, а интересов группы этих одиночек, их – за неимением родового – *духовного союза, духовной преемственности и связи*. Это группа людей будет жить и развиваться среди человечества, но против человечества, отрицая самый его корень... *Племена, народа, рода* – нет. *Будущего* – нет. *Прогресс* – не нужен...» [Там же, с. 137-138].

Если в рамках третьего пола можно существовать в качестве философа или святого, почему предпочтительно стать геем/лесбиянкой? Наверное, от того, что первое требует духовной работы, андрогинности (удачного сочетания мужских и женских качеств в рамках своего пола), сублимации (выведения в духовную сферу полового чувства) для самореализации себя лучше, чем «он» или «она». Второй же вид трансцензуса – это уход в негацию – в прямом смысле насильственный, вещественный и телесный, достигается механическим путем (трансвестит, транссексуал, бисексуал, трансгендер), мимикрией, чисто формально, возводит формальность в свое содержание. И подтверждение опять находим у Розанова: «Человек весь есть только трансформация пола, только модификация пола, и *своего*, и *универсального*; что, впрочем, и понятно, иначе и быть не может, так как он весь ведь составлен только из двух половинок, от матерного тела, от отцовского тела, отделившихся в половых их органах и в страстном половом акте. Ничего *третьего*, ничего *не полового* там не было; и, следовательно, неоткуда взяться ничему *третьему* в нас, ничему *не половому*...» [Там же, с. 55].

Все общественно-закономерное имеет социальную полезность и целесообразность. Какова необходимость обособления трансгендерных проблем, в угоду которым уродуются, подвергаются насильственной трансформации фундаментальные основы культуры и цивилизации? Проблемы гендера связаны с гипертрофированным маскулинным элементом в них. Артикуляция этих проблем обнажает односторонность, предвзятость и потому неправомочность преувеличения ценности мужской жизненной практики в истории и мировоззрении человека. Если человек рождается как «он» либо «она», это значит, что в основе культуры, истории, мышления, языка и т.д. должны лежать мужская и женская жизненные практики. И, к слову сказать, в этом случае многие проблемы трансгендера могли бы найти свое объективное решение.

Список источников

1. Бем С. Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004. 336 с.
2. Киммел М. Гендерное общество. М.: РОССПЭН, 2006. 464 с.
3. Розанов В. В. В мире неясного и нерешенного. М.: Республика, 1995. 463 с.
4. Розанов В. В. Люди лунного света // Розанов В. В. Собрание сочинений: в 2-х т. М.: Правда, 1990. Т. 2. Уединенное. С. 7-192.

GENDER AND TRANSGENDER IN THE PROBLEM OF SEX

Kuparashvili Mziya Dzhemalovna, Doctor in Philosophy, Professor
Dostoevsky Omsk State University
kuparashvili@rambler.ru

Vetrova-Deglan Meri Sergeevna
Omsk State Transport University
moon76@inbox.ru

The article proposes to differentiate gender and transgender problems which are usually considered together. Such differentiation is of cardinal importance in order to express the essential qualities of properly gender problems. The authors propose to discover the true content of gender problem area which has nothing in common with queer sexual problems. The range of properly gender problems includes the following issues: the loss of gender, feminization/masculinization of the society, gender polarization, double standard in labour evaluation, sexual harassment, abortions, motherhood.

Key words and phrases: gender; transgender; queer sexuality; discrimination; androcentricity; labour; sex.